

A black and white portrait of Mahmut Dervish, a man with dark hair and glasses, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. He is looking slightly to the right of the camera with a serious expression. The background is a blurred architectural structure with geometric patterns.

НИ ЗА ЧТО
НЕ
ИЗВИНИСЯ

Махмуд
Дарвиш

звезды зарубежной лирики

Поэзия мира. Звезды зарубежной лирики

Махмуд Дарвиш

Ни за что не извиняйся

«ЭКСМО»

УДК 821.411.21-1(569.4)

ББК 84(5Изр-6Пал)-5

Дарвиш М.

Ни за что не извиняйся / М. Дарвиш — «Эксмо», — (Поэзия мира. Звезды зарубежной лирики)

ISBN 978-5-04-238745-6

Книга знакомит русскоязычного читателя с поэзией Махмуда Дарвиша (1941–2008) – одного из самых известных палестинских поэтов, классика современной арабской литературы. На родине его стихи давно стали частью культурной памяти и общественного опыта. В сборник вошли тексты разных лет, в которых темы дома, борьбы, памяти и любви обретают удивительную ясность и внутреннее достоинство. Стихотворения публикуются в переводе Кирилла Корчагина. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.411.21-1(569.4)

ББК 84(5Изр-6Пал)-5

ISBN 978-5-04-238745-6

© Дарвиш М.

© Эксмо

Содержание

От переводчика	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Махмуд Дарвиш

Ни за что не извиняйся

Издательство, редактор и переводчик выражают благодарность Музею Махмуда Дарвиша в Рамалле (Mahmoud Darwish Museum in Ramallah) и лично Гасану Зактану (Ghassan Zaqtan) за помощь в подготовке издания.

© Дарвиш М. текст. 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

От переводчика

Махмуд Дарвиш – один из самых известных арабских поэтов и точно самый известный палестинский поэт. Почти в любом арабском городе можно увидеть его изображения – граффити на стенах, фотографии в кафе, многотомные собрания стихов и прозы в книжных, на обложках которых тоже, скорее всего, будет портрет поэта. Известен Дарвиш и далеко за пределами арабского мира: его стихи и проза переведены на многие языки, а иногда и не по одному разу. О нем снято несколько документальных фильмов, а в картине Жан-Люка Годара «Наша музыка» он появляется в роли самого себя. В самом центре Парижа на левом берегу Сены недалеко от Моста искусств небольшая площадь названа в честь поэта. Он не просто культурный герой: его стихи продолжают волновать и сейчас, причем уникальная особенность его поэзии в том, что к ней с одинаковым вниманием относятся и простые читатели, и интеллектуалы.

Будущий поэт родился в 1941 году в деревне аль-Бирва, расположенной в Западной Галилее, на севере современного Израиля и недалеко от границы с Ливаном. Его семья была довольно типичной для региона семьей мелких землевладельцев, не очень образованных – эти места традиционно были довольно отсталыми: мать Махмуда, Хурия, была неграмотной и читать его научил дедушка (поэтическое воспоминание об этом можно найти в этой книге). В 1948 году, во время Арабо-Израильской войны, деревня была оккупирована израильскими войсками, и семья Дарвиша присоединилась к другим беженцам, бежавшим с охваченных войной территорий. Эти события в современной истории арабского мира известны под именем *Накба*, что в буквальном переводе значит «катастрофа»: по оценкам ООН, около миллиона палестинских жителей, говоривших по-арабски и чаще всего исповедовавших суннитский ислам, были вынуждены покинуть свои дома, чтобы рассеяться по окрестным государствам. Семья Дарвиша провела около года на территории Ливана, но, в конце концов, его отец Салим решает, что судьба вечного эмигранта не для него и возвращается в Западную Галилею.

За год успело многое произойти: израильское правительство произвело перепись арабского населения, а те, кто по тем или иным причинам ее не прошел, не могли претендовать на израильское гражданство. У Дарвиша вместо паспорта было только удостоверение личности, где на двух языках – иврите и арабском – перечислялись его внешние приметы. Когда в 1968 году он полетит в Париж с этим сомнительным документом, французские пограничники не дадут ему разрешения на въезд. А за несколько лет до этого, в 23 года, он напишет свое самое известное стихотворение – «Удостоверение личности», где мытарства с паспортом станут основным сюжетом. Правда, изобразит он там не совсем себя: сохранившееся удостоверение личности Дарвиша говорит, что у поэта были голубые глаза, в то время как у героя стихотворения – карие. Но до этого еще далеко: на рубеже 1940–1950-х годов семья Дарвиша (у поэта было четыре брата и три сестры) обосновывается в деревне недалеко от портового города Акко, всего в 12 километрах от Аль-Бирвы, на месте которой уже был основан кибуц для переселенцев из Йемена, не готовых пустить прежних жителей обратно. Отец Дарвиша периодически предпринимал путешествия в те места, чтобы издалека наблюдать за трудами и днями новых жителей деревни, иногда он брал с собой и Махмуда.

Маленький Махмуд с детства мечтал стать поэтом. Это может показаться странным для русского читателя, которому поэзия нередко кажется чем-то необязательным или, хуже того, чем-то скучным из школьной программы. Не так в арабской культуре, где до сих пор поэтическое искусство остается одним из самых любимых, а лучшие арабские стихи – это своего рода зеркало, в которое смотрится весь арабский мир – мало в чем друг на друга похожий и мало в чем друг с другом согласный – и узнает там себя. Но это не значит, что юный Махмуд занимался одной лишь поэзией: когда ему исполняется двадцать лет, он вступает в Израильскую коммунистическую партию, одну из тех организаций, где евреи и арабы работали сообща, пока

еще мечтая о едином Израиле, где бы ни один народ не угнетал другой. В следующие годы Дарвиш живет в Хайфе, одном из наиболее развитых городов Израиля, редактирует партийную газету, пишет для нее статьи и, конечно, публикует в ней стихи. Но отсутствие постоянного паспорта делало его положение шатким: поэта регулярно задерживала полиция – особенно когда в стране накалялась политическая обстановка и все палестинцы немедленно оказывались под подозрением. И под двойным подозрением те, у кого были проблемы с документами, тем более если они были связаны с коммунистической партией. В эти годы поэту запрещалось покидать Хайфу без специального разрешения.

Поэтический успех впервые обрушился на Дарвиша, когда ему было 23 года – именно тогда появляется сборник стихов «Листья оливы» со знаменитым стихотворением про удостоверение личности. В 1967 году он оказывается под длительным домашним арестом, который только усиливает популярность. Но это год Шестидневной войны: молниеносная операция против коалиции арабских стран на Синайском полуострове сокрушила надежды окружающих Израиль арабских государств на реванш после войны двадцатилетней давности. Арабский национализм, до того момента только набиравший силу, подпитываясь харизмой египетского лидера Гамаль Абдель Насера, за неделю предстал политическим и моральным банкротом, и весь Ближний Восток был шокирован таким поворотом событий. Слово в противовес этому беспрецедентному общеарабскому провалу на палестинских территориях возникает консолидированное освободительное движение, голосом которого и становится поэзия Дарвиша.

Однако сам поэт в конце десятилетия переживает не самый простой период: устав от неперестанного полицейского давления, он решает радикально изменить свою жизнь и все же покинуть Израиль. Как видно из истории с паспортом и неудачной поездкой во Францию, удалось ему это не сразу. В 1970 году, не попав на Запад, он отправляется на Восток – в Московский университет, где в течение года изучает политическую экономию, быстро, впрочем, разочаровавшись и в таком образовании, и в советском строе, что для молодого коммуниста, каким Дарвиш был в Хайфе, было вдвойне болезненно. Поэт вспоминал, что для него Москва была своего рода коммунистическим Ватиканом, однако, оказавшись там, он довольно быстро осознал, насколько далек реальный СССР от его фантазий.

Он предпринимает еще один решительный шаг и, оставляя Москву, отправляется в Каир – крупнейший город арабского мира, где еще ощущаются следы того культурного и политического подъема, который имел место при президентстве Насера, скончавшегося совсем незадолго до того в 1970 году. Дарвиш устраивается на работу в одну из старейших газет Египта «Аль-Ахрам» и вступает в недавно основанную Организацию Освобождения Палестины (ООП), лидером которой в те годы стал Ясир Арафат. С этой организацией были связаны многие военизированные группировки, ведущие непрерывную борьбу с Израилем отнюдь не мирными методами, и поэтому вплоть до 1993 года, когда между Израилем и ООП не будет заключено мирное соглашение, организация и все ее члены оставались, с точки зрения Израиля, вне закона. Эта политическая коллизия закрыла Дарвишу въезд на родину на два с половиной десятилетия, и даже после того, как мирное соглашение было подписано, его не сразу пустили обратно. Тем не менее он старался находиться поближе к Палестине, подолгу бывая во всех окрестных странах, а невозможность пересечь заветную границу стала одной из главных тем его поэзии. Творчество Дарвиша стали настолько связывать с темой изгнания и ее поэтизацией, что в поздние годы он сам уже нередко посмеивался над этим, всем видом показывая, что любит и простые человеческие вещи – хорошую еду, красивую одежду, путешествия и комфорт (всем этим он, надо сказать, нередко раздражал старых поклонников).

В семидесятые ООП развертывает масштабную деятельность в Бейруте – городе, который вплоть до середины десятилетия оставался столицей новаторской арабской культуры. Вместе с организацией сюда в 1973 году переезжает и Дарвиш: структура ООП была одним из немногих мест в мире, где его ждали и в нем нуждались. Занимался он, впрочем, только культурной

работой, хотя даже в ней ему не давали особо развернуться: показательно, что, когда Арафату предложили Дарвиша на роль будущего министра культуры независимой Палестины, он предпочел другого кандидата. Несмотря на постепенно сгущавшуюся атмосферу, Бейрут в то время был самым свободным городом арабского мира: демократичным, космополитичным, процветающим и приветствующим все формы художественного и политического творчества. На 1960-е годы пришлась деятельность знаменитого журнала «Ши'р» (*Поэзия*), который стал флагманом арабского модернизма, – видное место в нем занимал поэт Адонис, во многом поэтический антипод Дарвиша – поэт сложный, темный, требующий для чтения большой подготовки. Как бы там ни было, в журналах, которые редактировал Адонис, появлялись и стихи Дарвиша, они пересекались и в бейрутских кафе (сохранилось несколько совместных фотографий), да и со временем их манеры, столь резко различные вначале, стали ближе друг к другу.

В 1975 году в Ливане началась гражданская война, катализатором которой как раз и оказалось присутствие в стране боевиков ООП, фактически сформировавших государство в государстве на основе кварталов, заселенных беженцами еще во времена Накбы. Организация стремилась превратить Ливан в плацдарм для дальнейшей войны с Израилем, но для этого нужно было изменить всю политическую архитектуру страны, где решающую роль играло христианское население разных вероисповеданий. В столкновениях между ООП и военизированными милициями христианских групп тактически побеждали то одни, то другие, но никто не одерживал стратегической победы: совсем небольшая страна превратилась в лоскутное полотно территорий, контролируемых разными и часто враждебными друг другу группировками. Атмосферу всеобщего раздора и подозрительности очень точно передает фильм Маруна Багдади «Бейрут... О, Бейрут...» (1975), показывающий, как постепенно атмосфера в еще недавно цветущем городе становится жуткой и невыносимой. Но, как ни странно, культурная жизнь в это время не прекращалась – прервалась она только в 1982 году, когда к столкновениям группировок добавилась интервенция: чтобы расправиться с палестинскими боевиками, Израиль вторгся в Ливан в 1982 году и взял в осаду Западный Бейрут, где располагалась штаб-квартира ООП, но вместе с тем и мирное население, которому было некуда деться из осажденного города. Осада продолжалась с июня по август, сопровождаясь отключениями воды и света и постоянными бомбардировками жилых кварталов.

Тем летом Дарвиш находился в Бейруте. Спустя пару лет он напишет «Помнить, чтобы забыть» (1986) – автобиографический текст неувольнимой жанровой природы. В нем описываются события всего лишь одного дня, 6 августа 1982 года: в этот день бомбардировки оказались особенно сильными, что само по себе символично, учитывая, что 6 августа – годовщина трагедии в Хиросиме. Этот текст полон всем тем, чем заполняет свой день человек, пытающийся найти утешение или хотя бы немного успокоиться перед лицом во много раз превосходящей его военной катастрофы. Он вспоминает о прошлом и внимательно анализирует его, старается представить конфликт как столкновение космических сил, увидеть жуткую, но величественную красоту военной техники. Вспоминая этот драматичный момент и переживая его снова, Дарвиш, однако, начинает сомневаться в той политической повестке, которую он все эти годы поддерживал как верный член ООП. Война становится для него ужасом самим по себе, без деления на правых и виноватых, она ведет только к еще большей эскалации насилия без какого-либо намека на разрешение ситуации в будущем.

В эти годы он решает отойти от политической борьбы. Вместе с тем меняется и его поэзия, становясь более задумчивой, далекой от простых решений: он больше не тот поэт, который хочет вдохновлять толпы своей харизмой и писать стихи для того, чтобы их декламировали на стадионах. Ему удается покинуть Бейрут и на какое-то время обосноваться в Париже, этом главном городе арабской эмиграции, где в то время – на фоне войн и усилившихся авторитарных режимов на Ближнем Востоке – собирается весь цвет арабской богемы. Это годы широкого признания: книги Дарвиша продаются в миллионах копий, переводятся на все воз-

можные языки, пухлые собрания сочинений выходят одно за другим, а ООП, пересмотревшая отношение к вооруженной борьбе, избирает поэта в свой исполнительный комитет, видя в нем символ современной Палестины и не позволяя ему, до поры до времени, окончательно порвать с политикой. Дарвиш много путешествует по миру, участвует в судьбе более молодых поэтов и настаивает, что занимается только поэзией, а не политикой. Тем не менее в 1988 году из-под его пера выходит Палестинская декларация о независимости, которая была торжественно зачитана Ясиром Арафатом на съезде партии в Алжире и принята большинством голосов (на английский ее вскоре перевел знаменитый автор «Ориентализма» Эдвард Саид). В 1993 году, после мирных соглашений в Осло между Израилем и ООП, Дарвиш в знак протеста все-таки покидает организацию, разочарованный тем, что, по его мнению, Израиль стремится этими соглашениями решить лишь собственные проблемы. Именно в эти годы он пишет самые глубокие стихи, поражающие растерянностью перед несправедливостью мира и ощущением, что радикальные идеи хотя и привлекательны, но обречены на поражение.

К этому периоду относится и цикл «Одиннадцать звезд на последние проводы Андалусии» (1992), открывающий эту книгу. Андалусия, ставшая после Реконквисты частью Испании, для арабского мира – потерянный дом, возвращение куда невозможно, и в то же время символ наивысшего расцвета арабской культуры. Уже начиная с XIX века арабские общества бились над вопросом, как так получилось, что, поднявшись на такую высоту, арабский мир через несколько веков оказался в жесточайшей зависимости от других стран и народов. При этом современность диктует и свои параллели: изгнание арабов из Испании стало восприниматься как аналог изгнания палестинцев с их земель. Так и у Дарвиша образ Палестины прорастает сквозь пейзаж Андалусии (тем более что пейзажи эти и вправду похожи), а герои цикла словно бы погружены в бесконечное сновидение: то ли они андалусцы, грезящие о Палестине, то ли, наоборот, палестинцы, тоскующие по утраченному золотому веку.

В 1995 году Дарвишу удается впервые спустя четверть века вернуться в Израиль: он проводит четыре дня в Хайфе, чтобы посетить похороны друга-писателя, с которым они были близки еще в шестидесятые. Теперь ему официально разрешено жить в стране, и он перебирается в крупнейший и наиболее развитый город Палестинской Автономии Рамаллу, находящийся гораздо южнее, чем родная деревня поэта и места его юности. Возможно, географическая удаленность была одной из причин того, что он не переставал чувствовать себя в изгнании, хотя такая форма изгнания его, кажется, уже вполне устраивала. В эти годы он пишет все больше лирических размышлений о себе самом и своем жизненном пути, как будто откладывая в сторону вечную тему освобождения Палестины. И хотя старые поклонники нередко осуждают его за это, он остается тверд, повторяя, что мир палестинца не может сводиться только лишь к борьбе, что в нем остается еще много человеческого, в чем поэту неплохо бы разобраться и что поэту неплохо бы полюбить.

Говоря об истоках своей поэзии, Дарвиш обычно упоминал трех старших современников: первые два – это иракские поэты аль-Баяти и ас-Сайяб, два родоначальника арабского модернизма, соединившие изощренную манеру письма с чуткостью к политическим перипетиям. Они же научили арабов писать свободным стихом, отходя в сторону от традиционных размеров и рифм. Но в каком-то смысле эти двое могли быть упомянуты любым другим арабским поэтом, ровесником Дарвиша. Третья фигура в этом ряду куда более интригует – это Иегуда Амихай, израильский поэт, писавший на иврите. Считается, что в Хайфе, где Дарвиш жил в юности, трудно было достать новейшую арабскую поэзию, и поэт много читал именно на этом языке. Как бы там ни было, Амихай, участвовавший в Арабо-израильской войне как солдат израильской армии, прожил жизнь, в которой не было места для болезненного ощущения изгнания, – это была жизнь победителя, а его поэзия – это поэзия одного из создателей нового государства, который считает себя вправе подвести черту под всеми предыдущими войнами. Невозможно представить себя что-либо более противоположное поэзии Дарвиша, особенно

ранней. Но, видимо, именно это и привлекало внимание палестинского поэта: Амихай писал о тех местах, где жил юный Дарвиш, но с противоположной стороны; он, безусловно, чувствовал себя победителем, но саму победу воспринимал сквозь призму меланхолии – как нелегкую, хотя и почетную ношу. Кажется, именно Амихай может претендовать на роль того невидимого поэтического собеседника-израильянина, с которым Дарвиш часто спорит в своих стихах.

Начиная с середины 1980-х годов поэта преследовали инфаркты: за последние двадцать лет своей жизни он перенес их несколько. Врачи не рекомендовали ему столько курить и пить кофе, хотя отказаться от этого ему было непросто. Еще труднее было следовать другому совету – меньше путешествовать: покинув Хайфу в 1970 году, он непрерывно ездил по миру, не только перебираясь из одного дома в другой, но и выступая с лекциями и поэтическими чтениями, участвуя в международных литературных фестивалях. Он и умер вдали от дома – в городе Хьюстоне в штате Техас, спустя несколько дней после плановой операции на сердце. Поэт сам назначил день этой операции на 6 августа – в день бомбардировки Хиросимы и событий текста «Помнить, чтобы забыть». В такой последней воле можно видеть и грустную иронию, и попытку найти рифму к событиям своей жизни, и последнюю реплику в долгом споре о целях палестинского сопротивления. Похоронен поэт был в Рамалле.

Отдельно стоит сказать о связях Дарвиша с Россией: одного из самых известных в мире поэтов в России знают мало. Изначально он занимал довольно видное место в международном коммунистическом движении, а в 1969 году стал лауреатом премии журнала «Лотос», который существовал на советские средства и должен был стать площадкой, объединявшей левых писателей из Азии и Африки. Журнал выходил на трех языках – арабском, английском и французском (примечательно, что не на русском). Сразу после этого в библиотеке «Огонька» появилась маленькая переводная книжка в 17 стихотворений, но продолжения долго не было, хотя в семидесятые годы Дарвишу удавалось регулярно попадать на страницы советской печати, обличающей политику израильского государства. Плодом такой сомнительной славы стала, в частности, международная Ленинская премия 1983 года и последовавшие за ней публикации – например, отрывок из поэмы «Бейрут» был в том же году опубликован в «Новом мире», а к 1987 году вышла довольно объемная книга с избранными стихами поэта, быстро ставшая библиографической редкостью.

Сейчас эти переводы производят двусмысленное впечатление – как будто переводчики не могли справиться с прихотливым стихом Дарвиша, где рифма и ритм могли то появляться, то исчезать, и старались «выправить» его во что-то более привычное и подходящее для лауреата Ленинской премии. Новые переводы появлялись и в следующие тридцать лет, но ни один из них так и не стал литературным событием, благодаря чему возникла парадоксальная ситуация, когда имя Дарвиша было достаточно известно, в то время как переводы его поэзии почти недоступны. Возможно, дело было и в особой поэтической интонации, из-за которой переводчики словно бы не могли принять, что имеют дело с модернистской поэзией, внешняя простота которой обманчива. Но именно эта интонация позволила Дарвишу стать любимым поэтом для совершенно разных людей: коммунисты и арабские националисты, борцы за независимость Палестины и израильяне, простые читатели и изощренные поэты-новаторы – все признавали невероятную убедительность его поэзии. В любом книжном магазине мира, где представлена арабская литература, обязательно будут произведения Дарвиша, часто во многих разных переводах и изданиях. Можно сказать, он был последним народным поэтом XX века, хотя его стихи нельзя назвать легкими для восприятия. Есть надежда, что и русскому читателю в этой поэзии что-то покажется созвучным с его собственным опытом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.